

Южный Урал
г. Оренбург

23 марта 1985 года

Литература

НАШИ ГОСТИ

Рабочий день «первой трубы» Большого театра СССР Вячеслава Прокопова расписан по часам.

Станция метро «Динамо» рядом, поэтому утром через считанные минуты он уже в центре города, в театре. Ежедневные, обязательные упражнения на трубе. Это — занятия для себя. А потом репетиция вместе со всем прославленным оркестром Большого театра. На бегу перекусив, он мчится в институт имени Гнесиных, где ведет уроки по классу трубы. После этого или записи на радио и телевидении, или репетиции с «Брасс-квинтетом», которым он руководит. Метро, машина, трамвай...

Уже спрашивают за несколько кварталов до театра «лишний билетик» почти не верящие в улыбку судьбы студенты и приезжие поклонники оперы и балета, уже густеет толпа у толстых колонн театра, хотя до начала около часа, а в это время двери бокового служебного подъезда почти не закрываются: идут балерины и певцы, оркестранты и костюмеры, осветители и работники технических служб — сотни людей создают спектакль главного театра страны.

Вячеслав Прокопов в строгом черном костюме с бабочкой появляется в оркестровой яме одним из первых. Раскладывает ноты на освещенном лампочкой пюпитре, еще раз пробует свою трубу. Обычно улыбочное полное ясноглазое лицо его собранно, даже отрешенно. Лицо мастерового человека перед сложной и важной работой.

Дирижер властно окидывает взором — не взглядом, а именно взором — оркестр, взмах палочки, первые такты музыки, пошел, шелест, тяжелый парчовый расшитый золотом занавес, и сразу же повеяло ветерком из-за кулис.

Спектакль начался. И вот она — всегда сладостная и всегда тревожная секунда, когда дирижер взглянет в сторону медных духовых, словно взлетая, вскинет руки: первой трубе вступать.

Говорят, что у трубы звук — серебряный. Серебряный голос первой трубы влетает в разноцветную, но подчиненную гармоничную ткань спектакля, солирует, ведет за собой оркестр. Труба звучит то резко и властно, то нежно и прозрачно.

Спектакль окончен. Певцы или артисты балета, чьи прославленные имена украшают программу и чьи лица так знакомы нам по фотографиям и экрану телевизора, все выходят и выходят на поклон, в грохоте аплодисментов осыпаемые цветочным дождем, улыбаются залу устало и счастливо.

А в это время оркестранты деловито собирают в папки ноты, одеваются, опять хлопает дверь служебного подъезда, и они, чьих имен в программе почти не бывает и чьих лиц

СЕРЕБРЯНЫЙ ГОЛОС ТРУБЫ

публика не знает, разбегаются кто на метро, кто на автобусы и троллейбусы, чтобы поскорее добраться до дому.

Они свое отработали. До завтра. До спектакля.

Таков обычный рабочий день Вячеслава Прокопова. Ему не привыкать, он труженик по натуре. Многие его однокурсники по Оренбургскому музыкальному училищу вспоминают: нет и семи утра, а Слава уже репетирует в маленьком садике у старого, еще запертого здания училища.

И радостно ему, устремив в рассветное небо звонкую медь трубы, петь пробуждение новому дню.

Если снова вернуться к музыкальным инструментам, то условно можно сказать, что мудрость и печаль скрипки — это мелодия пожилого возраста. А мелодия молодости — это именно труба, зовущая и дерзкая.

И все же мог ли мечтать Слава Прокопов, что придет день, когда он будет играть в празднично блистающем зале Большого театра СССР? В зале, где неоднократно выступал Ленин, в зале, который слышал Шаляпина и Собинова, видел танец Улановой и Плисецкой.

Мне вряд ли удалось бы попасть на спектакль в Боль-

шой без помощи Прокопова, в огромном зале десятилетиями не бывает ни одного свободного места.

Спектакль был великолепен. Из ложи яруса виден был и оркестр, поблескивали лакированными боками скрипки, дробился свет в меди духовых. Оркестр звучал мощно и слитно, но я пытался в тот вечер выделить серебряный звук трубы Вячеслава Прокопова. Вот она солдрует одна во всем оркестре, во всем зале от партера до последнего яруса под расписным потолком. Вот она звучит в аккорде со струнными. Я угадывал в полутьме оркестровой ямы и самого Вячеслава, чуть подсвеченного лампочкой на пюпитре.

А после спектакля — встреча в гостеприимном его доме, где многое напоминает об Оренбурге. В Оренбургском музыкальном училище и жена Вячеслава Саша, и ее мать Анна Никитична, и сестра Вячеслава Ольга. И разговоры здесь — об Оренбурге, о родных, о тех хороших людях, которые помогли Вячеславу Прокопову стать музыкантом и личностью.

Дома он опять улыбаясь, и вообще природа, не скупясь, наделила его обаянием открытого, общительного человека. И еще — умением помнить

добро.

— Оренбург — моя родина, на всю жизнь в моем сердце, — говорил он, блаженно отдыхая после нелегкого дня, переодетый в джинсы и майку, облегчающие крепкую, плотную фигуру. — Помню, в Дубках, в пионерском лагере, меня назначили сигнальщиком и дали горн. До чего мне понравилось горнить — слов нет. И осенью я пришел во Дворец пионеров, был там замечательный руководитель музыкального кружка, а потом духового оркестра Исаак Григорьевич Острин.

Потом я поступил в музыкальное училище. Там мне снова повезло на преподавателя, на Алексея Наумовича Крумганта. Он и музыкант превосходный, и просто как человек мне очень многим помог. Семья у нас была большая, отец вернулся с войны инвалидом, мать продавщица мороженого, жилось нелегко. И вот Алексей Наумович, хоть студентам и не разрешалось, но на свою ответственность устроил меня играть вечерами в оркестре кинотеатра на Советской: все-таки заработок.

И поехать в Москву показаться самому известному трубачу Тимофею Александровичу Докшицеру тоже он помог.

Кстати сказать, когда недавно в училище отметили 60-летие Алексея Наумовича, Вячеслав, несмотря на занятость, прилетел в Оренбург и на юбилейном концерте играл для своего учителя.

— А в Москве, — продолжал Вячеслав, — мне многим помог и стал строгим наставником Докшицер. Я учился в институте имени Гнесиных, а с ним проходил многие партии, которые потом играл, когда прошел по конкурсу в оркестр Большого театра.

Сначала меня взяли в сценический духовой оркестр: в некоторых операх — в «Аиде», «Дон Карлосе», «Гугенотах» — по ходу действия оркестр, одетый и загримированный в соответствии с эпохой, играет на сцене.

Ну, а оттуда, со сцены, мой путь — в «яму».

Вячеслав от души засмеялся, видя мое недоумение:

— На нашем языке «яма» — это основной оркестр. И вот уже довольно много лет первый солист-трубач. Сотни спектаклей позиди, гастрольные поездки по всему миру, и все равно иной раз взгляну на этот огромный зал — и как молния: какое же мне счастье выпало в жизни — играть в Большом театре!

В. САВЕЛЬЗОН.

На снимке: «Брасс-квинтет», второй слева — Вячеслав Прокопов.